

DOI 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-212-221

УДК 394

Елена Федоровна Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
ORCID: 0000-002-9459-7033
E-mail: mf11@mail.ru

Мария Владимировна Васеха

Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4132-4370
E-mail: maria.vasekha@gmail.com

Этнокультурная память и социальное мифотворчество в контексте исследований идентичности. Современное состояние направления*

АННОТАЦИЯ. В контексте изменчивости и хрупкости современного мира этнокультурная память и конструктивистская составляющая исторической памяти играют огромное значение. Авторы статьи полагают, что этнокультурная память народа, в отличие от исторической памяти, не подвержена политическим конъюктурам и социальному конструированию, но лежит в народном сознании, в его глубинных представлениях, верованиях, базовых ценностях. В связи с этим сохранение именно этнокультурной памяти — экзистенциальный вопрос для любого народа, поскольку процессы аккультурации, ассимиляции, технологии социального конструктивизма и мифотворчества усиливаются в современном мире. Для всестороннего освещения данной проблематики авторы пригласили ведущих российских ученых обсудить эту проблему в рамках XV Конгресса антропологов и этнологов России (КАЭР), состоявшегося 26–30 июня 2023 г. в Санкт-Петербурге. На секции «Этнокультурная память и социальное мифотворчество в контексте исследований идентичности» (руководители Е. Ф. Фурсова, М. В. Васеха) было заслушано 16 очных докладов, сделанных как ведущими этнологами и антропологами, так и молодыми начинающими исследователями. Новые обстоятельства позволили этнологам и антропологам увидеть проблемы, над которыми они работают, с новых ракурсов, показать, как идентичность проявляется в объектах материальной культуры, воплощается через праздники и фестивали, коммеморативные практики и пр. В настоящей обзорной статье представлены основные темы и проблемы, обсуждавшиеся докладчиками в рамках работы секции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнокультурная память, историческая память, КАЭР, политики памяти, идентичность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фурсова Е. В., Васеха М. В. Этнокультурная память и социальное мифотворчество в контексте исследований идентичности. Современное состояние направления. *Кунсткамера*. 2023. 3(21): 212–221. doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-212-221

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Elena Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia
ORCID: 0000-0002-9459-7033
E-mail: mf11@mail.ru

Maria Vasekha

Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4132-4370
E-mail: maria.vasekha@gmail.com

Ethnocultural Memory and Social Myth-making in the Context of Identity Studies. Current State of the Direction*

ABSTRACT. In the context of the variability and fragility of the modern world, ethnocultural memory and the constructivist component of historical memory are of great importance. The authors of the article believe that the ethnocultural memory of the people, unlike historical memory, is not subject to political contingencies and social construction, but lies in the people's consciousness, in its deepest ideas, beliefs, and basic values. In this connection, the preservation of ethnocultural memory is an existential issue for any nation, since the processes of acculturation, assimilation, technologies of social constructivism and myth-making are intensifying in the modern world. For a comprehensive coverage of this issue, the authors invited leading Russian scientists to discuss this problem within the framework of the XV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia (CAER), held from June 26 to 30, 2023 in St. Petersburg. At the section "Ethnocultural memory and social myth-making in the context of identity research" (chaired by E. F. Fursova, M. V. Vasekha), 16 in-person reports were heard, made by both leading ethnologists and anthropologists, and young novice researchers. New circumstances allowed ethnologists and anthropologists to see the problems they were working on from new angles, to show how identity is manifested in objects of material culture, embodied through holidays and festivals, commemorative practices, etc. This review presents the main topics and problems discussed within the work of the section.

KEY WORDS: ethnocultural memory, historical memory, CAER, policies of memory, identity

FOR CITATION: Fursova E., Vasekha M. Ethnocultural Memory and Social Myth-making in the Context of Identity Studies. Current State of the Direction. *Kunstkamera*. 2023. 3(21): 212–221. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-212-221

* The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00865 "Siberians in search of Siberianness: ethnocultural appearance and forms of identity".

За конгрессами антропологов и этнологов России закрепился статус важных национальных научных площадок, на которых не только представляются результаты исследований, но и поднимаются новые проблемы. В статье представлены наиболее интересные и значимые материалы сообщений докладчиков секции «Этнокультурная память и социальное мифотворчество в контексте исследований идентичности», показывающие векторы развития проблематики заявленной темы. По направлению исследований и содержанию доклады можно разделить на несколько блоков, первый из которых следует обозначить как теоретико-методологический и понятийно-концептуальный. В докладе Р. Ю. Федорова (Тюмень) было уделено большое внимание концептуальному анализу понятия «этнокультурная память». Автор относит к исторической памяти своеобразную вертикальную проекцию репрезентаций определенных «центральных» исторических событий, которые имеют общенациональное значение. В отличие от нее, к этнокультурной памяти, по мнению Р. Ю. Федорова, можно отнести горизонтальную проекцию памяти народа, включающую репрезентации локальной истории, коллективного жизненного опыта и традиций, рассматриваемых сквозь призму этничности. Следовательно, этнокультурная память от места к месту имеет свои вариативные особенности и неповторимые доминанты, осмысление которых возможно лишь через изучение этнокультурных процессов, происходящих внутри определенных этнических, региональных или локальных сообществ. Таким образом, понятия исторической и этнокультурной памяти не исключают, а скорее дополняют друг друга, одновременно выступая двумя тесно связанными и в некоторых случаях сливающимися друг с другом проекциями коллективной памяти.

Р. Ю. Федоров выделил в этнокультурной памяти следующие базовые компоненты. Первым из них является память об общности происхождения и маркерах этнических границ группы, определяющих ее этнокультурную идентичность. Ко второму компоненту он относит сохраняющуюся внутри этой группы память о присущих ей религиозных представлениях, верованиях, обычаях и обрядах, формирующих основу ее духовной культуры, а также память о практических знаниях, посредством которых воспроизводятся базовые элементы ее материальной культуры. К третьему компоненту можно отнести историческое мировоззрение группы, основанное на аккумуляции коллективного жизненного опыта, в процессе которого осуществляется выработка ценностных и соционормативных ориентаций, стратегий адаптации и межэтнических взаимодействий, а также формируется коллективная рефлексия этого опыта, находящая свою актуализацию в устной истории, фольклоре, а также в сакрализации и меморизации жизненного пространства. По мнению автора, все три названные категории неразрывным образом связаны друг с другом, представляя собой разные грани этнокультурной памяти.

Отдельное направление в работе секции составили доклады, в которых рассматривалась роль культурного наследия в формировании идентичности и проводился анализ способов и механизмов презентации наследия в наше время. В докладе И. С. Слепцовой (Кызласовой) (Москва) «Самодеятельные музеи как идентификационный ресурс» были рассмотрены особые мемориальные локусы, создаваемые отдельными людьми, в которых они воплощают свои представления о прошлом. Часть этих инициатив реализуется в формате музеев. Таким образом, самодеятельные (любительские, непрофессиональные) музеи представляют собой способ самореализации и могут рассматриваться как пространство выражения идентичности. В рамках классификации «по форме собственности» их можно отнести к двум большим разновидностям: коммерческие институции и домашние (семейные) музеи, в деятельности которых бизнес-составляющая не играет сколько-нибудь заметной роли. Частные музеи в своей деятельности ориентируются на интересы посетителей и учитывают актуальный дискурс, поэтому они не столь показательны с точки зрения репрезентации идентичности своих владельцев. В этом смысле, считает И. С. Слепцова, продуктивнее обращение к домашним музеям, которые более независимы в манифестации личных позиций. Их владельцы сосредоточены в основном на реконструкции домашнего пространства, конструируя образ «домашнего очага». В этом отражается отношение к быту и бытовым пред-

метам как к сущности, не зависящей от смены социально-экономической обстановки и политических режимов. Очевидно, что организация такого рода музеев является практикой, позволяющей индивиду справиться с негативными переживаниями, вызванными социокультурным кризисом последних десятилетий, и выстроить устойчивую позитивную идентичность.

Анализ контента и способов взаимодействия с посетителями позволяет увидеть то главное, что несет идентификационную нагрузку. Это в первую очередь визуальный и вербальный нарративы, а также иммерсивные практики. В пространстве домашнего музея отражаются личный и коллективный уровни идентичности и разные ее виды: локальная, этническая, культурная, семейная, профессиональная, политическая и др., причем, как правило, в различных сочетаниях. В целом, говоря о видах идентичности, представляемых в такого рода музеях, можно охарактеризовать их как совокупность идентичностей (множественную идентичность), причем в качестве базовой и относительно стабильной обычно выступает семейная идентичность. Акцентируя внимание на социальных успехах предшествующих поколений, домашний музей выполняет функцию идентификационной матрицы, ориентируя новые поколения на вписывание своей жизни в рамки семейной истории. Характер коммуникации в этих музеях обуславливает преобладание эмоционального компонента идентичности, который является наиболее крепким связующим звеном благодаря разделенным переживаниям.

Этнокультурная память тесно связана с культурным наследием, вне или при отсутствии которого ее содержание сильно ослабевает. Неслучайно культурному наследию как маркеру этнокультурной идентичности было посвящено немало докладов. В своем докладе Е. Ф. Фурсова (Новосибирск) проанализировала связи конкретных проявлений идентичности русского и других восточнославянских народов Сибири в XIX — первой трети XX в., когда активно развивались основы регионального и этнокультурного самосознания. На конкретных полевых материалах (записях, впечатлениях от общения и пр.) автор рассмотрела глубину этнокультурной памяти русско-сибирских старожилов-чалдонов на персональном и коллективном уровнях. Речь шла о выяснении презентативных компонентов этнической культуры русско-сибирских старожилов по материалам традиционных костюмов. Внимание к образно-ассоциативной и психоэмоциональной функциям костюма, в которых нашли отражение внутреннее восприятие чалдонами самих себя и внешнее, со стороны соседей, позволило показать новую грань «сибирскости». Презентативные компоненты-функции этнической культуры чалдонов выбраны следующие: презентативные функции внешнего благополучия, этнодифференцирующие функции как вариант презентативных, способы презентации поведения (манеры ношения) в групповой культуре, половозрастные презентативные функции, ассоциативные функции (образность костюма) и пр. Отдельное внимание уделено теме парадоксов и курьезов как обычаям в костюмах, в которых отчетливо проявлялась этнокультурная идентичность их носителей и которые в то же время ее поддерживали. Облачаясь в традиционный костюм, человек воспринимал его образный строй, отражавший особенности этнокультурной картины мира. «Русскость» происхождения чалдонов не позволяла включать в костюмные комплексы элементы одежды местных нехристианских народов (они встречались только в промысловом снаряжении), «сибирскость» проявлялась в показушной стойкости к морозам («сибирском ухарстве»), желании выделиться на фоне переселенцев своим дорогим костюмом. Образ «сибирского медведя», который сформировался под влиянием комплекса просторной меховой одежды для зимы, можно считать сибирским брендом. Для мужчины было важным продемонстрировать в костюме молодцеватость, «сибирское ухарство», для женщины — красоту и статность (образ «павы») в сочетании с «неприступностью» для внешнего наблюдателя (соответствовать молве «от женихов отбоя нет»). По мнению автора, многие связанные с одеждой обычаи и нормативы традиционного поведения столетней давности для наших современников показались бы тайной за семью печатями, они не поняли бы смысла ситуаций, которые воспринимали бы сегодня скорее как иностранцы. Знание сохранившихся правил, диктующих как, когда и где следует раздеваться, одеваться или обуваться, позволяет и сегодня быть «своими» среди своих.

О. В. Голубкова (Новосибирск) посвятила доклад «Синий цвет в погребально-поминальной обрядности обских коми» (по материалам коми-ижемцев) обрядовым практикам, которые являются одним из важнейших элементов этнокультурной идентичности, поскольку содержат основные мировоззренческие установки. В традиционной культуре обских коми-ижемцев присутствуют элементы похоронно-поминальной обрядности, которые демонстрируют отношение к синему цвету (включая спектр оттенков) как к символу смерти, потустороннего мира.

Локально у обских коми, проживающих в поселке Овгорт ЯНАО Тюменской области на реке Сыня (левый приток Оби), зафиксирован обычай красить гробы в синий цвет: в качестве красителя использовали синьку, разбеленную молоком. Очевидно, эта практика сложилась не ранее середины XX в., когда химическая «синева» вошла в быт. Покрашенные синькой гробы предназначались для похорон взрослых мужчин и женщин, необязательно стариков, но чаще пожилых (молодых хоронили в гробах, обитых красной тканью). В других поселках обских коми традиция красить гробы в синий цвет не зафиксирована.

Еще одна хроматическая традиция у сибирских коми-ижемцев связана с выбором цвета при окрашивании пасхальных яиц. Традиционно к празднику Пасхи яйца красили луковой шелухой, придавая им красноватые оттенки. С появлением магазинных красителей (в конце XX в.) появилась возможность делать яйца разноцветными. Однако некоторые информанты сортировали красители по цветам: для окрашивания пасхальных яиц использовали красный, оранжевый, розовый, желтый, иногда зеленый. Синим, голубым, иногда зеленым красили яйца, предназначенные для поминовения умерших, — на Радуницу, в Троицкую субботу. В голубой (цвет горнего мира) часто красили оградки на кладбищах.

Символика синего как цвета иного мира универсальна для многих культур. Оттенки синего спектра у разных народов были атрибутом моросферы и считались типичным признаком демонологических персонажей. В лексике «синий» — эвфемизм словам «мертвый», «пьяный», «голубое/синее пламя» — метафора ада. Представления о синем как символе смерти в настоящее время, как правило, редуцированы. Обские коми локально сохранили, а возможно, заново воспроизвели архетипическое отношение к синему, включив этот цвет в структуру погребально-поминальной обрядности и табуируя его использование в пасхальной традиции. Таким образом, характер применения синего цвета обскими коми в атрибутике моросферы может оцениваться как один из маркеров этнокультурной идентичности микролокальной группы.

А. А. Усов (Архангельск) посвятил доклад «Поселение и традиционный усадебный комплекс терских поморов как маркер этнокультурной идентичности» вопросу изучения традиционного жилища терских поморов (комплекс дома-двора) на современном этапе его существования как маркера этнокультурной идентичности русских. В качестве case study использован пример с. Варзуга Терского района Мурманской области (Терский берег Белого моря), обследованного в 2022 г. Также в работе нашли отражение материалы предшествующих полевых архитектурно-этнографических исследований культурного ландшафта и гражданской архитектуры (жилище) в сельских исторических поселениях Онежского Поморья (Онежский и Поморский берега Белого моря) в 2018–2021 гг.

Село Варзуга — одно из древнейших постоянных поморских поселений на Терском берегу Белого моря, на Кольском Севере (начало XV в.). В настоящее время это один из центров притяжения туристов в регионе. Выдающиеся культовые постройки села (прежде всего шатровая церковь Успения 1674 г.), а также жилая архитектура отражают особенности севернорусского деревянного зодчества и плотницкого мастерства местных поморов. Большинство построек датируются началом — серединой XX в.

Учитывая сохранение преемственности строительных технологий, специфику местного культурного и природного ландшафта, с. Варзуга рекомендовано для постановки в качестве объекта культурного наследия «достопримечательное место» регионального или муниципального уровня охраны, а памятники деревянного зодчества сохранены как объекты для туристического показа.

В работе секции можно выделить блок докладов, рассматривающих русскую православную культуру и христианские традиции как одну из важнейших основ современной российской идентичности.

К. В. Цеханская (Москва) в докладе «Национальная идентификация русских в социодуховной парадигме от традиционализма и консерватизма» подняла важные вопросы этнопсихологии как модуса самобытного мышления народа. По мнению автора, процессы этнокультурной, а шире — национальной самоидентификации русских — одна из наиболее актуальных проблем современного гуманитарного знания. Она почти не разрабатывалась в советский период, и в наши дни превратилась в инновационный объект этносоциальных и антропологических исследований. Основным фундаментом, с позиций которого можно рассмотреть феномен русского национально-самосознания и самовосприятия, представляется духовно-религиозная константа миропонимания, формирующая устойчивый консервативно-традиционный ментальный архетип русских. С этой точки зрения русский этнос всегда сохранялся и сохраняется донныне благодаря своей православной идентичности. При этом следует подчеркнуть, что русское православие всегда носило и носит исключительно консервативный характер. Оно сопротивлялось и противостояло расколам, ересям, обмирщению, насильственной модернизации и излишней политизации. По мнению Киры Владимировны, консервативные устои православия проецируются на мировоззренческую и поведенческую матрицу русского характера. И православный социум, как русский, так и нерусский, но крещеный в православии, всегда воспринимал свою веру и свою Церковь как единственно истинную, апостольскую, сохранившую все догматы и каноны, выработанные отцами Вселенских соборов. Из этого осознания спасительной истинности православной веры русские в силу своей «христоцентричной этнопсихологии» и самобытных черт дохристианского славянского мироощущения, влившегося в православный архетип народа, воспринимали самих себя в качестве носителей религиозной истины, правды и справедливости. Это, в свою очередь, по мнению докладчицы, порождало чувство мессианской ответственности России и за русский мир, и в конечном счете за все человечество, о чем не раз писал Ф. М. Достоевский. Православный космизм русских, основанный на неизменных, консервативных парадигмах религиозного самосознания, был причиной и следствием таких качеств русского характера, как жертвенность, всечеловечность, стремление к справедливости, отрицание этнического превосходства, национализма и любых проявлений расизма. К. В. Цеханская уверена, что в России никогда не могла появиться идеология, выраженная в словах «Россия для русских!» Поэтому русские и смогли создать огромную империю, государство-цивилизацию, где нашлось место всем большим и малым народам и этносам. Переосмысливая структуры исторической памяти, добавляя новые идеологемы, символы и задачи, рожденные потребностями той или иной эпохи, русские никогда не обновляли само духовно-религиозное ядро своей ментальности. И эта онтологическая верность своей корневой традиции, своему изначальному идеалу, передаваемая от поколения к поколению, сформировала глубинные архетипические структуры коллективного бессознательного, позволившие им во все времена сохранять и укреплять самобытные универсалии русской цивилизации. Рассматривая культуру как отраженный в материи дух народа, автор отметила отсутствие у русских доктринальной идентичности, ощущения богоизбранности.

Роль этноконфессионального фактора в сохранении этнокультурной идентичности русских была всесторонне рассмотрена в докладе А. И. Юренко (Москва) «Роль православного прихода в сохранении этнокультурной идентичности русских». Автором отмечено, что в настоящее время приходы РПЦ играют серьезную роль в сохранении исторической памяти и традиционной культуры как русского народа, так и иных православных народов России. Этнокультурная идентичность неразрывно связана с исторической, родовой памятью, с преемственностью культурных традиций. На приходе через службу, проповедь, занятия в воскресной школе прививается любовь к Родине, более глубокое понимание ее истории, а через это и современных событий, в том числе специальная военная операция (СВО). Военные священники отмечают, что православные солдаты

лучше мотивированы, они осознают значение для России, да и всего мира этой войны, что отличает их от неверующих сослуживцев.

Говоря о церковной традиции хранения памяти, нельзя не упомянуть о традиции синодиков и помянников. Сейчас на богослужении в храмах постоянно звучат имена воинов о здравии, об исцелении тяжело болящих (имеются в виду раненые бойцы), об упокоении убиенных. И эти имена, занесенные в помянники, могут поминаться, пока стоят православные храмы. Сейчас формируется мемориальная культура, связанная с памятью героев СВО. Некоторые формы сохранения и трансляции памяти в церковно-приходской среде оказываются такими же, как и в гражданском обществе, частью которого являются православные верующие: вечера памяти, выставки-инсталляции личных вещей, создание «парты героя» в школе, где он учился, аллеи памяти, мемориальные доски.

Глубоко традиционным становится строительство храмов в память погибших воинов: храмы, часовни в память погибших во время СВО начали строить в разных уголках России. Новым явлением стало то, что сейчас в ряде храмов организуют мастерские по изготовлению нужных для солдат в зоне СВО вещей, также в приходах, в первую очередь в воскресных школах, пишут на фронт письма. Роль православных приходов в поддержке российских солдат в зоне СВО безусловно имеет не только материальное, но и в первую очередь моральное, духовно-нравственное измерение.

Молодая исследовательница Я. Егорская (Нижний Новгород) выступила с докладом «Святой солдат Евгений Родионов как элемент формирования этнокультурной идентичности современного россиянина». Евгений Родионов — солдат срочной службы, отправившийся служить в пограничный отряд на Северный Кавказ в разгар первой Чеченской кампании. В течение первого месяца службы он был захвачен в плен чеченскими боевиками, а три месяца спустя трагически погиб в плену. Считается, что он был казнен путем отсечения головы «за отказ снять крест». Отправным моментом почитания Евгения стал сюжет передачи «Русский дом» (1999), обращенный в первую очередь к православным. Он дал толчок канонизационному процессу (сбору свидетельств о святости Евгения), который завершился отрицательным решением церковных иерархов. Несмотря на отсутствие прославления Евгения в лике святых, почитание его как мученика, продолжающего традицию христианских воинов-мучеников, не прекращается и поныне. В то же время Евгений был воспринят народом и как герой, отстаивавший ценой своей жизни интересы Отечества. Его личность стала связующим звеном между героями Великой Отечественной войны и героями современных конфликтов (выставка РВИО «Донбасские хроники. Герои и судьбы», июнь 2022 г). Сложившиеся к настоящему времени практики почитания Евгения Родионова носят одновременно как светский, так и религиозный характер. Наилучшим образом описывают сложившуюся ситуацию слова матери Е. Родионова Л. В. Родионовой о том, что ее сын — «собирательный образ чести, достоинства, мужества, веры». Этот образ отвечает на вопросы «Кто мы? Какие мы? Откуда мы? Куда движемся?», что делает его элементом формирования идентичности современного россиянина. Образ Евгения активно используется как для патриотического воспитания подрастающего поколения, так и для социальной мобилизации граждан России. А современная политическая ситуация в мире и в России требует консолидации нации, четкого осознания своей идентичности для принятия правильных решений, нацеленных на будущее страны.

В некоторых докладах (М. В. Васехи, М. К. Любарт, Е. В. Рудниковой) поднимались вопросы этнокультурной идентичности и способов ее поддержания/конструирования на материалах как различных этнических микрогрупп в инокультурной среде, так и локальных макрогрупп.

В докладе М. В. Васехи (Москва) «Конструируя сибирскость: формы репрезентации макро-региона в различных областях Западной и Восточной Сибири» анализировалась работа регионов в области маркетинга территорий. С актуализацией идей книги Д. Хайдера и Ф. Котлера «Маркетинг территорий» в России, хоть и с некоторой задержкой, также задумались о создании локального бренда страны и образов ее территорий как с точки зрения туристической и инвестиционной

привлекательности, так и для удержания в регионе и привлечения в него человеческого капитала. Сибирские регионы не остались в стороне от нового «модного» направления геокультурного брендинга, простимулированного «Концепцией продвижения национального и регионального брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 гг.», представленной Минэкономразвития в 2007 г. В начале 2010-х годов сибирские регионы с разной степенью успеха вступили в нелегкую схватку за «узнаваемость» и «привлекательность». Таким образом, состоялись «перезапуск» концепта «сибирскости» и в какой-то степени переосмысление собственной региональной идентичности. Докладчик проанализировала различное и обобщающее в подходах к концепции «сибирскости» как в официальном, так и в неофициальном дискурсе Сибири, а также рассмотрела существующие бизнес-модели, построенные на сибирской идентичности. М. В. Васеха отметила, что инициатором мероприятий по созданию региональной айдентики, как правило, выступали правительства регионов, часто в них включались активные жители микро-региона, местные интеллектуальные элиты, бизнес, деятели искусства. Автор попыталась выделить и обосновать основные маркеры локальных сибирских идентичностей в различных регионах Сибири как в контексте современного социального конструирования, так и вне конструктивистского контекста. По данным материалов полевых исследований выявлено несколько маркеров сибирской идентичности и ее локальных форм, одним из них можно назвать отношение к своему месту жительства как в рамках Сибири, так и России и мира в целом (ощущение «центр — периферия», отношение к Москве, автономность — зависимость от нее и пр.). Осознание сибиряков и своего места жительства, и себя в мировом историческом пространстве также происходит через «знаковые» фигуры уроженцев сибирских регионов, сыгравших заметную роль в культурно-исторических судьбах страны и мира. Во всех сибирских регионах сегодня можно наблюдать активные процессы конструирования сибирских типов локальных идентичностей при наличии общих характерных черт для общесибирского типа идентичности. В некоторых регионах этот процесс проходил успешно (обычно не с первой попытки), в других провалился и поэтому там преобладают инициативы «снизу», часть из них имеют яркий протестный или негативный характер.

Доклад М. К. Любарт (Москва) был посвящен роли «кельтского наследия» в структуре идентичности современных бретонцев Франции, которые считаются потомками кельтских племен бриттов из Уэльса и Ирландии, переселившихся на полуостров Арморика (совр. Бретань) в IV–VI вв.

Существенными факторами формирования их идентичности, по мнению исследовательницы, явились наличие в Средние века собственной государственности, долгое сохранение бретонского (кельтского) языка и культуры, несмотря на французскую государственную политику языковой и культурной унификации, последовавшую после Великой французской революции. За два с половиной столетия (с конца XVIII в.) ситуация для Бретани, поддержавшей контрреволюцию, пережившей войны с центральной властью, идентичность бретонцев претерпела большие изменения. К середине XIX в. Бретань утратила свою автономию, стала экономически депрессивным регионом, а реноме бретонцев оказалось не очень позитивным: считалось, что им присущи черты социокультурной отсталости, консерватизма, выраженной религиозности, а также сепаратистские настроения.

В подобной ситуации, незавидной с точки зрения экономики и имиджа, оказались и кельтские народы Великобритании. Потребность в улучшении имиджа привела к обращению к своему историческому прошлому, появлению *кельтомании*, насчитывающей со второй половины XVIII в. уже несколько волн. Бретонцы тоже вошли в это неформальное панкельтское сообщество, что также придает их идентичности специфику. Помимо идей романтизма, давших интересные плоды в литературе, искусстве, способствовавших собиранию фольклора в кельтских регионах, реконструкции некоторых практик (например, друидизма) и т. д., кельтомания породила и излишний романтизм в исторических оценках прошлого, неточности и искажения, издержки иногда с националистическим оттенком. Обращение к своему в значительной мере мифологизированному прошлому как некой альтернативе основному ходу европейской цивилизации послужило обоснованием ценности

своеобразия кельтских народов. Мифологизация исторического прошлого привела к распространению в последней трети XX в. такого жанра, как фэнтези, в литературе и кино, отсылки к «загадочным кельтским мирам» в компьютерных играх и т. д. В Бретани большее распространение имели такого рода произведения британских авторов, но появились и собственные.

К 1970-м гг. относится явление бретонского возрождения, значительно усилившего формирование положительной идентичности бретонцев. Самой яркой и мощной составляющей бретонского возрождения стала так называемая кельтская музыка, с которой, собственно, и начиналась последняя, самая значительная волна кельтомании. В Бретани начиная с культовой фигуры А. Стивеля появилась целая плеяда известных исполнителей. Появился ряд музыкальных стилей, во многом обязанных именно бретонским музыкантам (кельтский рок, фолк, поп, бретонский рэп, панк, прогрессивный рок, кельтский хип-хоп и т. д.), которые вышли далеко за пределы регионов «кельтской культуры». Возникли пользующиеся огромной популярностью фестивали, конкурсы, концерты кельтской музыки, выпускались огромные тиражи дисков звукозаписывающих фирм, организовывались курсы обучения кельтской музыке. К характерным манифестациям бретонских музыкальных ансамблей относятся парады бретонских *багадов*. Были возрождены *фестнозы* — крестьянские танцевальные праздники, ныне ставшие распространенным явлением массовой культуры и вошедшие в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.

Однако говорить о современной музыке как о кельтской можно лишь с определенными оговорками. Речь идет об обращении не к древним образцам, но к крестьянской бретонской музыке в тех вариантах, в которых она была зафиксирована собирателями в XIX — начала XX в. Таким образом, кельтское наследие оказалось значимым (но не единственным) элементом в конструировании современной идентичности бретонцев, особенно ее культурной составляющей.

Е. В. Рудникова (Владивосток) в докладе «Маркеры российской идентичности в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (на австралийско-новозеландских материалах)» сконцентрировалась на анализе трансформационных и эволюционных процессов российской (русской) идентичности в группах русских, первые поселения которых появились в Новой Зеландии примерно 200 лет назад. Автор уделила внимание численности и месту в современной этнической структуре этой страны русских и русскоговорящих иммигрантов. В качестве источника использовались данные новозеландских национальных переписей населения за 1991–2013 и другие годы.

В докладе обоснованы модели изменения базовой идентичности русскоязычных иммигрантов, которая подвергается серьезным испытаниям в новой культурно-языковой среде. В новозеландской статистике процесс изменения идентичности у иммигрантов соотносится с местом их рождения и временем постоянного проживания в стране. В среде русскоязычных иммигрантов широко бытуют такие самоназвания, как «киворусы», «русские киви», «кивороссы» и т. п. Подобные самоназвания связаны с общенациональным идентификатором «киви», что равнозначно понятию «новозеландец». Этимология этого слова связана с одним из национальных символов страны — реликтовой нелетающей птицей киви, которая обитает только здесь. Этот символ входит в комплекс национально-различительных черт, так называемую кивиану, и служит важным средством формирования и поддержания новозеландского общенационального самосознания.

* * *

Руководители секции пришли к выводу, что современная мировая социально-политическая ситуация и ее новые вызовы вновь актуализировали тему идентичности, которая в последнее десятилетие, казалось, шла на спад, пережив свой интеллектуальный пик в 1990-е годы. Рухнувший с развалом СССР проект советской идентичности и последовавший за этим идеологический вакуум в течение почти 30 лет, сегодня поставили сограждан перед вопросами «Кто мы такие и куда движемся? Какими хотим быть, на базе каких ценностей выстраивать свой микро- и макромир? С помощью каких инструментов мы можем конструировать/корректировать восприятие себя и вос-

приятие нас во внешнем мире?» Актуализировавшийся дискурс позволил этнологам и антропологам увидеть свои проблематики с новых ракурсов, показать, как идентичность проявляется в объектах материальной культуры, воплощается через праздники и фестивали, коммеморативные практики и пр. На секции дискутировались вопросы, как и почему люди ищут новые опоры для своей идентичности, с помощью каких ценностных ориентиров это происходит сегодня, посредством каких инструментов, как и где это происходит при активной поддержке администраций, а где «стихийно», без участия властей. Безусловно, столь масштабное мероприятие, как КАЭР, позволяет выйти за пределы традиционно обсуждаемых тем и привычных дискурсов, сложившихся в кругу научных связей, расширить круг дискуссий, услышать новые имена и свежие материалы. Именно это преодоление границ собственного материала и выход на новый уровень произошло на секции 13 «Этнокультурная память и социальное мифотворчество в контексте исследований идентичности», что и считаем главной заслугой конгресса и работы нашей секции.

Submitted: 18.09.2023

Accepted: 22.09.2023

Published: 10.10.2023